

ГРОМОВА
УЛЬЯНА

Инструкция
как справиться
с чувствами
к боссу
не прилагается

Инструкция к боссу

(НЕ) ПРИЛАГАЕТСЯ.

Придется писать самой!

Громова Ульяна

Инструкция к боссу

(не) прилагается.

Придется писать самой!

<https://litres.ru/74227558>

Аннотация

У меня всё было отлично: важное оцифровано, нервы спокойны, чувства архивированы. До тех пор, пока в мой забытый всеми офисный закуток не спустился тот самый. Умный. Брутальный. Чертовски сексуальный. Он умеет говорить так, что падаешь со стремянки в его объятия.

Он — босс мечты, а я — катастрофа с облепиховым морсом. По нему сохнет весь отдел маркетинга и яркая Регина. А я — в архиве. Для меня — идеальный мир после разбитых отношений. И я должна:

✓# Не смотреть боссу в глаза. ✓# Не влюбиться в него. ✓# Не спалиться, иначе заклюют.

Провал по всем пунктам. И что с этим делать — неизвестно. Ведь инструкция, как справляться с чувствами к боссу, не прилагается.

Содержание

— 1 —	4
— 2 —	10
— 3 —	15
— 4 —	20
— 5 —	25
— 6 —	30
— 7 —	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Аннотация

*У меня всё было отлично: важное оцифровано, нервы спокойны, чувства архивированы. До тех пор, пока в мой забытый всеми офисный закуток не спустился тот самый. Умный. Брутальный. Чертовски сексуальный. Он умеет говорить так, что падаешь со стремянки в его объятия.

 Он — босс мечты, а я — катастрофа с облепиховым морсом. По нему сохнет весь отдел маркетинга и яркая Регина. А я — в архиве. Для меня — идеальный мир после разбитых отношений. И я должна:

 ## Не смотреть боссу в глаза.

 ## Не влюбиться в него.

 ## Не спалиться, иначе заклюют.

 Провал по всем пунктам. И что с этим делать — неизвестно. Ведь инструкция, как справляться с чувствами к боссу, не прилагается.*

— 1 —

Мой архив. Тот самый, где пахнет пылью, канцелярским клеем и нагретой принтером бумагой. Я пришла устраиваться на работу в это издательство в отдел маркетинга и рекламы после защиты диплома в университете, а меня как неопытного специалиста сослали в архив.

И — внезапно! — мне тут понравилось. Здесь были все книги, журналы — все, что было издано в «Лит-Аргументе»

за тридцать лет его существования. Сюда — в архив — никто не приходил просто так, и я чувствовала себя здесь лучше, чем дома — с моими-то соседями...

Сейчас только утро. Кабинеты еще пустые, коридоры молчат. Только я и винтажная кружка с горячим облепиховым морсом. И пусть весь мир подождет.

Я сделала последний глоток и полезла на стремянку, чтобы снять тяжелую коробку с отчётами за 2002-й. Подошла их очередь на оцифровку.

— Вам помочь? — неожиданно спросил кто-то бархатным баритоном, таким, что у меня подогнулись колени, и я уронила коробку и полетела на пол.

Но кто-то меня поймал с тихим:

— Упс, — голосом глубоким, как шахта. Или как бочка со зрелым вином. Или как смс «зарплата пришла».

— Верните мне почву под ногами! — потребовала я. А когда мужчина опустил меня на пол, поправила вечно лезшую на глаза прядь, короткую юбку и спросила строго: — Что вам нужно?

Мужчина стоял со странным выражением лица. Не злым, не хмурым, а... скорее так смотрят на котёнка, залезшего в носок. Прислонившись плечом к стеллажу, он вроде бы улыбался уголками губ, а в вроде нет. Высокий. В темной рубашке благородного шоколадного цвета, слегка облежавшей грудь так, что четко проступали развитые мышцы. Широкие плечи, сильные руки — это я успела оценить раньше, чем

поняла, что ему от силы года тридцать три.

— Вы меня не узнали? — спросил он.

— Конечно узнала, — сказала я. — Вы новый мальчик на побегушках.

Просто другие сюда не заглядывают. Так что вывод очевиден.

Мужчина слегка вздернул бровь.

— Будем знакомы, я Лев.

— А я россомаха. — Я сложила руки на груди, прикрыв вырез оранжевой трикотажной кофты с острым вырезом из разряда «не для работы». Просто вечером я собиралась сразу из архива пойти с подругами в кафе.

— Мое имя — Лев, — ничуть не обиделся мужчина.

О. То есть О_о. Неудобно вышло.

— Ева, — буркнула я. — Так что вам надо, Лев?

— Договор с типографией «АльфаДев». За 2007-й. И если надо достать его откуда-то сверху, я готов подстраховать вас, Ева.

И вот теперь он улыбнулся так, что карие глаза на два тона посветлели.

Показалось? Я моргнула. Потом ещё раз. И рассмеялась.

— Прямо под рукой. И никаких несанкционированных полетов. — Я протянула руку прямо рядом с его грудью, так что чувствовала тепло мужского сексуального тела, и дернула коробку на себя. — Пожалуйста, 2007-й, «АльфаДев». Берите и уходи. Не мешайте мне работать. А то, знаете ли, биг-

босс спустил приказ, а потом спустит шкуру, если не оцифрую эту коробку за сегодня. Так что давайте, Лев, до свидания.

Он смотрел на меня уже не как на котёнка — как на загадку из сканворда, которую интересно решить, но не у кого попросить подсказку.

Бумаги сухо шелестели на верхних полках под ветром из кондиционера, а между мной и посетителем повисла тишина. Слишком долгая, слишком внимательная. Килограммов на сорок.

— Так вы уходите? — спросила я, отворачиваясь к старому глючному сканеру.

— Благодарю, — кивнул Лев, отсалютовав мне папкой. — Хорошего дня, Ева.

Зачем-то взял со стола мою кружку, понюхал, поставил ее на место и ушёл. Тихо, размеренно, с какой-то внутренней камерной музыкой в походке.

Я закрыла за ним дверь — а то ходят тут всякие.

Но уже через минуту она снова открылась, и в кабинет влетела Ксения — моя высокая рыжая бестия с глазами цвета чайной розы и вечным блокнотом в руках.

— Ты его видела?! Видела? Да?! Какой красавчик! — громко зашептала она с такими глазами, будто речь шла о йети.

— Угу, — буркнула я и сдула противную прядь с левого глаза. У Ксюши все мужчины разложены по шкале привле-

кательности. — Искал договор с «АльфаДев». И свою веру в человечество, похоже.

— Он с тобой говорил? *Смотрел?*

— Молча сканировал. Кажется, теперь я зарегистрирована в какой-то его личной базе данных.

Ксения прыснула в кулак, потом снова стала серьёзной:

— Он просто суперкрасивый. И редкий, как комментарий под постом в моем блоге. Не то чтобы прямо мужской идеал, а... как вино из фильма: дорого, глубоко, с послевкусием дуба и тумана.

— Ты уж определись, — вздохнула я. — У вас же весь отдел по новому генеральному сохнет, и ты — лидер группы.

— А ты?

Я пожала плечами:

— Что я? Я пью облепиху и знаю, где лежит папка «АльфаДев». Всё, чего можно хотеть от жизни. А генерального в глаза не видела, потому сохнуть по нему не могу. Да и не после Дамира.

— В смысле ты генерального в глаза не видела? — вытаращилась на меня Ксюша. — А это кто, по-твоему, был?

— Лев. Мальчик на побегушках.

Ксения смотрела на меня, наверное, с минуту, а потом как расхохоталась! Аж до слез.

А у меня что-то в груди перехватило от нехорошего предчувствия.

— Лев, ага! — давилась смехом Ксюша. — Лев Алексан-

дрович — наш новый генеральный директор, сын прошлого.
Мальчик на побегушках! Ну ты даешь!

Она весело смеялась. А я... Я, кажется, теперь в беде.

— С тебя латте и «плюшка из детства», — сказала Ксения, толкая меня локтем в бок и подвигая к кассе.

— А с тебя — совесть, — пробормотала я.

Если бы у меня был диплом по опознанию руководства, я бы сейчас им вытирала слёзы. Настроение после утренней встречи все еще было на отметке «не взлетит».

Я работаю в архиве всего полгода. И я и прежнего-то директора в глаза не видела. И буквы на приказе мне ничего не сказали. Ну подумаешь, переставил человек инициалы местами. Очепятался. А оно вот что. Вместо Александра Леонидовича появился Лев Александрович. Я как-то это событие пропустила.

Впрочем, сидя в архиве дружбу с коллегами не заведешь — атмосфера не располагает. И полуподвальное помещение — тоже. Как там мои цветы выживают — загадка.

Очередь дышала мне в затылок, пахла ванилью и нервами: бухгалтера в шёлке, сисадмины в кроссовках, маркетологи в шоке, редакторы как после ядерной войны. Всё как всегда, все стабильно, как налоговая отчетность. А на часах, если что, еще только 11:54 — шесть минут до перерыва.

Я стояла, вцепившись в свою кружку с горячим облепиховым морсом, как в талисман. Оранжевая керамика, на ней — модная кошка в очках и надпись: «*I work hard so my cat*

can live better» (перевод: Я работаю, чтобы моя кошка жила лучше). И ведь правда — моя кошка, Жучка, действительно живет лучше меня. Шерстяная царица со взглядом Горгоны.

— Доброе утро! — заурчала вдруг только что гаркавшая на курьера бариста и расплылась в животе и улыбке.

Этот тон голоса она берегла для особых людей. Едва на горизонте появлялся кто-то, от кого зависела ее зарплата и припрятанный запас масла, как ее голос становился выше, медленнее, с комплиментом в контексте и намёком на «сахар в придачу».

Я обернулась.

Ну конечно.

Он.

Взгляд — как хирургический лазер: спокойный и опасный. Надеюсь, наша встреча была для него эпизодом. Хотя для меня она стала целым сериалом. Из мыслей о нём.

Вот, если хочешь завоевать внимание девушки — напугай ее угрозой увольнения. Даже если она ее придумала сама.

— Вам как всегда? Эспрессо без сахара? — промурчала бариста.

— Пожалуй, после такого тона и так кое-то слипнется, какой уж тут сахар... — пробурчала я.

И уставилась в витрину, делая вид, что изучаю слойки. Так, как будто их гликемический индекс способен решить все мировые конфликты. Ксения, коварная тень, растворилась где-то и наблюдала за мной, наверное, из-за фикуса.

— Ева...

Мир подёрнулся марлей. *Он* стоял рядом. Спокойный, как будто я не назвала его мальчиком на побегушках и не начала «ТЫ»-кать.

— Работаете ради кошки, значит...

— А вы хотите повесить мне зарплату? — спросила я и... протянула ему кружку.

Он взял её.

Зачем?

Боже, что я делаю?

— Это...

— ...облепиховый морс, — усмехнулся он. — Я знаю. — И сделал глоток. **Из моей кружки.** Прокатил напиток на языке, как конфетку. — Очень вкусный. С медом... И оранжевый.

Он улыбнулся, а все молча за нами наблюдали. Даже бариста поставила стаканчик с *его* эспрессо без звука. А я не знала, как реагировать. С одной стороны — есть же санитарные нормы. С другой — тут такое поэтическое нарушение личных границ...

А *он* посмотрел на меня как-то... тепло? и вернул кружку мне в руки. И ушёл, так и не взяв свой кофе.

А я держала кружку так, как будто в ней теперь плескалась уже не просто облепиха, а случайность. Или поцелуй. Или то и другое.

— Он на тебя запал, точно говорю! — шептала Ксюша спустя пару минут, когда мы уже сели за стол около окна и смотрели на дождь.

Этой весной небо часто плакало и иногда грозило. Иногда истерило раскатами грома с метанием молний.

— Ой, Ксюш, он просто вежливый, — возразила я.

— Но он пил из твоей кружки, — настаивала подруга.

Кажется, об этом думала не одна она. На меня поглядывали со всех сторон, что-то говорили, обсуждали, пожимали плечами, фыркали...

Затихли, только когда Регина, офисная звезда из отдела рекламы, процокала мимо нас на бесконечных шпильках и будто невзначай толкнула столик так, что морс, которого и оставалось-то уже полкружки, выплеснулся мне на юбку.

— Ах, простите, девочки, я нечаянно, — пропела — как иголки под ногти вогнала. — Ох, а это что у нас тут за мышка завелась? — ласково улыбнулась мне. — Где-то в архивах не законопатили дырку в полу?

— Да какие ж мышцы ползут туда, где водятся такие змеи... — смирила я ее взглядом.

Если Регина мне и хотела ответить, она не стала.

Потому что в буфет вернулся *он*. Прошел походкой облепившего сытого хищника, обвел взглядом всех, задержал его на мне, словно облизнулся, и повернулся к бариста за своим уже остывшим кофе, так и стоявшим на стойке.

— Включите в список закупок облепиху, — приказал. —

И внесите в меню морс из нее.

Снова взглянул на меня. И ушел. Под звуки... тишины.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ГЕРОЕВ

*Познакомьтесь с моими героями.
 Ева — та ещё штучка: говорливая, эмоциональная, всё чувствует кожей и моментально всё усложняет.

 Лев — спокойный, сдержанный, всё держит в себе, но когда говорит — сразу в точку. И на фоне этой противоположности у них не роман, а электростанция.*

Как вам они?

Утро пришло не как солнечный луч, а как бухгалтер с актом сверки: строго, бумажно и с претензиями. Я пришла пораньше, как будто по делам, а на самом деле — чтобы в одиночестве промолчать то, что чувствовала. Принтер противно зажужжал, кресло подо мной скучно вздохнуло. Морс я сегодня не сварила — вместо него прихватила пакетики чая, который пах не бергамотом, как обещал, а неудачами.

— Это ж надо было родиться такой несчастливцей, — бормотала я, засовывая папку с подшивкой уже недействительных договоров в ящик, который заклинило ещё во времена госпереворота.

Я упёрлась в ручку обеими руками и, стиснув зубы, надавила на неё. Папка захрустела, бумага затрепетала, ящик с глухим щелчком закрылся. Победа.

— Доброе утро, Ева.

Он. Снова.

— Добро пожаловать в царство моли и забытых регламентов, — сухо ответила я. — Потерялись?

Он чуть усмехнулся, вошёл и, что самое страшное, закрыл за собой дверь.

— Вам не кажется, что мы встречаемся подозрительно часто для людей, не работающих в одном отделе? — прищурилась я.

— Я работаю вне отделов, — усмехнулся он одними глазами. — Как новому человеку мне интересно посмотреть, как работает память компании.

— А вы начали «посмотреть» сверху вниз или снизу вверх?

Я сдула с лица прядь и отступила на шаг. Ещё на один. Уперлась спиной в шкаф с книгами. Где-то наверху шорóхнули бумаги, как будто предостерегающе.

— Вы где этому научились?

Он играл со мной. Или флиртовал. Или... и то, и другое.

— Чему?

— Я слышал, как вы ответили Регине.

— Это врождённое. Пассивная агрессия — это у нас семейное.

Он рассмеялся. По-настоящему. Не одними уголками губ, а вот с этим щелчком в глазах. Улыбкой, которая ломает лицо так, как река весной ломает лёд.

— Мне было жаль ее, а не вас.

— Спасибо, — буркнула я. — Я всегда говорила, что вежливость — анахронизм.

Он прохаживался между стеллажами, разглядывая подписи на коробках и контейнерах, иногда брал что-то в руки, пролистывал бегло и возвращал на место. Остановился возле дальнего стеллажа, за которым я возле единственного окна организовала свое личное пространство с цветами, чайником, со старичком-креслом.

И с коробкой со всеми старыми рекламными кампаниями. Я изучала их на обедах или когда очень хотелось почувствовать, что я делаю хоть что-то связанное с мечтой, ради которой пришла сюда устраиваться на работу. Этот угол был *моим*. Никто туда не заходил. Даже Ксюша не совалась. Говорила: «Слишком личное. Как у кого-то дома — снять обувь хочется».

А *он* всё ещё стоял рядом с креслом. Смотрел на мои цветы. На кружку. В открытую коробку с рекламными эскизами. Как будто читал меня. Или раскапывал.

Мне стало не по себе. Это место — моё. И он не должен был знать, что здесь я такая. Слабая, уставшая, мечтающая. Он будто проник в мою жизнь. Туда, куда его не приглашали.

— Так зачем вы все-таки пришли? — не выдержала я.

— Я искал кое-что.

Он медленно вышел из-за стеллажа, из *моего* местом, и мне сразу стало немного легче дышать.

— Что именно? Я знаю, что и где тут лежит.

Он взглянул на меня. Как-то иначе. Мягче, что ли, внимательнее. И чуть в сторону, будто не хотел перегружать взглядом.

— А где лежит повод?

— Эмм... повод?

В груди ухнуло. Дозубоскалилась Ева. Сейчас он тебя уволит. Поводов искать не нужно — их уже больше чем достаточно.

— Да, повод... Повод поговорить с архивариусом, который говорит быстрее, чем думает, и пьёт облепиховый морс вместо кофе.

— Я... Если будет приказ, я вам этих поводов накидаю список на трех страницах.

Ага, и ещё список грехов, и пронумерую. Может, он отправит меня в отпуск — с формулировкой «по причине особой красноречивости».

Он посмотрел на меня с тем самым интересом, который вызывает одновременно желание спрятаться и остаться. А потом просто кивнул — и вышел. Прошёл мимо меня так близко, что не было шанса устоять от порыва его харизмы.

Я рухнула на стул.

Дверь за *ним* закрылась.

Повод, значит... А ты, Ева, предложила их целый список на трех листах.

Ну всё.

Тебе конец.

Ты — теперь уже официально — в беде.

А через пятнадцать минут внутренний мессенджер звенькнул сообщением с приказом... «составить список поводов на трех»... Не страницах — листах.

Дорогие мои читатели!

Если книга вам понравилась — поставьте ей лайк и добавьте ее в библиотеку, чтобы не потерять, и под-

*пишитесь на мою страницу <https://litnet.com/shrt/Pm2b>,
чтобы не пропустить новинки.*

Наше кафе — как старая любимая песня на виниле: чуть скрипит, не в моде, но цепляет за тёплое. Заходишь — и будто попадаешь в чужое ретро-кино. Мягкие диваны, немного просевшие от вечных разговоров, столики с царапинами чужих историй, на стенах — пожелтевшие афиши французских фильмов, где все курят, любят и страдают красиво. В углу — пианино, на котором по вечерам кто-то перебирает аккорды так, будто вот-вот начнётся финальная сцена.

Запах тут свой — не модный карамельно-кокосовый, а человеческий: кофе, ваниль, свежая выпечка и чуть-чуть времени. Кажется, в воздухе плавают пыль из 1907 и обрывки разговоров, которые не успели договорить.

Бариста знает нас в лицо, но делает вид, что каждый наш заказ — первый. За это мы его и любим.

Кафе не было ни слишком уютным, ни слишком стильным. Оно было просто *нашим*. Тут можно смеяться громко, жаловаться на жизнь долго, клянчить второй сироп постоянно и быть собой, даже если ты снова не на высоте.

Всё как всегда. Всё как надо.

Кроме моего лица.

— Ты что, влюбилась? — спросила Ксюша, потягивая капучино и не отрывая от меня взгляда, будто я та самая ту-рецкая мелодрама, которую она смотрит по вечерам.

— Нет. Я в панике.

«Потому что когда ты видишь человека трижды за день, и каждый раз он задевает что-то личное глубоко внутри — это уже не совпадение. Это угроза».

— А это у тебя всегда одно и то же. — Саша пододвинула ко мне десерт. — Ешь. Сахар не решает проблемы, но хотя бы делает их хрустящими.

— Он приходил в архив, — сообщила я. — Снова.

— Господи, — выдохнула Ксения. — Что ж ты в святом месте устроила-то? Крещение чувств?

— Он ходил, рассматривал коробки. И нашёл мой уголок.

— Я замолкла. — *Он лазил там своими глазами.*

— Чистый акт агрессии, — хихикнула Литта.

— Ну, он вообще-то новый директор, — вздохнула Ксюша. — Может, он инспектирует? Знакомится?

— Он так и сказал, — пробурчала я и передразнила босса: — «Как новому человеку мне интересно посмотреть, как работает память компании».

— Ну вот видишь, — пожала плечами Саша.

— Я не хочу, чтобы кто-то заглядывал в мой чайник, в мою кружку, в мою коробку, — возмутилась я.

— А ты сказала ему об этом? — спросила Ксюша.

— Я... я пошутила, — промямлила я. — Про список поводов посетить архив... на три страницы. А он взял и прислал мне задание составить этот список на три листа.

— Вежливое признание. Или мягкий шантаж, — хихик-

нула Саша.

— Или заявка, — хмыкнула Ксюша. — Типа: «Оформите-ка мне, пожалуйста, поводы, почему вы мне не безразличны. На трёх листах. С подписями».

В этот момент в кафе вкатился Дамир. Во всей красе: растёгнутая на одну пуговицу рубашка — навывпуск, джинсы слишком обтягивающие, чтобы в них было удобно дышать, и кроссовки с золотыми вставками. Волосы зачесаны назад, как у блогера с марафона «Я — мужчина», в руке — смартфон в чехле с надписью «*CEO of my own life*» (перевод: *Генеральный директор моей собственной жизни*).

— О, Евочка, солнце, привет! — протянул он, приближаясь к нашему столику походкой альфа-самца, которому не сообщили, что он на грани вымирания. — Не ожидал тебя тут встретить. Давно не виделись.

— С тех пор, как ты «не заметил» моё сообщение, — кивнула я. — Прошло полгода, две недели и сто лет.

— Я думал, ты злишься, что я не пришёл на твой день рождения.

— Я не злилась. Я готовила план мести. Но ты, как всегда, всё испортил своим отсутствием.

— Ну не обижайся. Ты же знаешь: я не любитель всех этих поздравлялок и тортиков. Я за честность. Прямоту. Взрослую коммуникацию.

— Ага. Ты ещё скажи, что не подарил ничего, потому что против общества потребления.

— Вот именно! — оживился он, даже щёлкнул пальцами.

— Мы с тобой всегда были на одной волне.

— А теперь ты — на своей. А я — в другом океане.

Он сел ко мне на диван, приобнял за плечи.

— Ну что, может, как-нибудь пересечёмся? Поужинаем, поболтаем. Я тут как раз записался на курс по осознанному взаимодействию с женской энергией.

Саша поперхнулась смузи. Ксюша прикрыла рот рукой, сдерживая смех.

— Дамир, иди уже, а! — повысила я голос. — У нас не вечер токсичных воспоминаний.

— Эй! Я же приятное прошлое! — попытался он улыбнуться своей фирменной улыбкой — из тех, что раньше со мной срабатывали.

— У-хо-ди! — сказала я твёрдо.

Потому что Дамир — ходячая энциклопедия женский комплексов.

Он всё-таки пошёл. Пара шагов — оглянулся. Подмигнул. Еще пара — снова оглянулся. Протёр часы, словно они были важнее, чем уважение. И только потом исчез.

— Он правда был твоим парнем? — спросила Саша.

— Ну, пару раз я об этом пожалела.

— И ведь он не понимает, что вы расстались, — заметила Литта.

— Он считает, что мы просто «временно на паузе», а я запущусь по щелчку на кнопку «продолжить позже».

Мы замолчали.

В кафе загорелись гирлянды — как в кино, в итальянском ромкоме. Мы допивали смузи. Уходить не хотелось. Дома меня ждали только почти пустой холодильник, пустая тишина и — может быть, но это не точно — кошка.

Я вытащила из сумки блокнот и ручку.

— Что хочешь сделать? — заинтересовалась Саша.

— Список. Поводов. На трёх листах.

Подруги засмеялись. А я подумала: «Если уж и быть поводом, то хотя бы таким, чтобы потом не перепутали с архивным номером».

Лифт в этом старом здании, где располагается издательство, с характером и собственной философией: если очень нужно — он не поедет. Если опаздываешь — он застрянет между этажами. А еще подставит в самое неподходящее время.

Вот как сейчас.

Я сегодня задержалась и пришла на работу за пять минут до восьми. Уже успела подняться на четвертый этаж — занести табель в бухгалтерию — и направлялась в свой архив. Утро планировала провести спокойно: попить морс, перебрать коробки. Без мужчин и катастроф. Просто я, архив и моя облепиха.

Но скажи Богу о своих планах... То есть лифту.

Я подошла к нему с папкой рекламных набросков под мышкой. И когда дверки скользнули в стороны, увидела, что внутри уже стоял *он*.

Лев Александрович.

Темно-синяя рубашка, чуть расстёгнутая — как у человека, который точно знает, сколько нужно показать, чтобы взгляд задержался. И все тот же древесно-терпкий спокойный аромат. Как будто лев только что вернулся с охоты. Или, наоборот, только на неё отправился.

— Доброе утро, Ева, — сказал он бархатисто.

— Здравствуйте, — ответила я, входя и сразу вжимаясь в угол, как будто там эвакуационный выход, будто от запаха, интонаций и харизмы этого мужчины можно забеременеть.

— Мы снова с вами в замкнутом пространстве...

— Жизнь вообще сплошной замкнутый круг, — буркнула я.

Лев Александрович посмотрел на меня внимательнее.

Лифт поехал. А потом дернулся. И... *встал*.

— Вы что, заколдованный?! — воскликнула я, всплеснув рукой.

— Я? — изумился мой персональный генеральный кошмар.

— Без обид, но с тех пор, как вы появились, я застряла в лифте трижды.

— Может, это вы вызываете сбои в системе жизнеобеспечения?

— Я просто архивариус. Моя стихия — пыль и плесень. Я нахожусь в самом низу пищевой цепочки и не могу вызывать сбои.

— Вы нервничаете, Ева?

— Нет.

— Тогда почему мнёте край блузки?

Я посмотрела... и резко отпустила руку.

Потому что... Потому что сработал эффект «импринтинга»[1] — эмоциональный захват. Спасибо дурацкому первому знакомству.

— Инстинкт, — буркнула.

— Архивариус с инстинктами?

— С дипломом по классификации катастроф.

— Тогда классифицируйте ситуацию.

— Категория X, уровень 2.

Он вздернул бровь. И я пояснила:

— «Внезапное вторжение харизмы».

Лев хмыкнул и подступил ко мне чуть-чуть ближе. Всего на полшага. Не вторгаясь, но сокращая дистанцию до того самого места, где личные границы еще не нарушены, но воздух уже делится на двоих.

— Вы меня боитесь? — спросил тихо.

У меня от его голоса на кожу опрокинулся грузовик с мурашками.

— Я аллергик. У меня просто на вас сыпь.

— Тогда скажите, как вас спасти, Ева.

Не существовать.

— Уйдите в другой лифт.

— Невозможно.

Кабина дёрнулась и поехала, но тут же снова встала. Створки раскрылись резко, будто нервно. Раздраженно. Как будто им было интересно дослушать нас, но кто-то настойчиво рвался внутрь.

— Ой! Какое везение! Лев Александрович! — проворковала стоявшая за ними Регина и моментально шагнула в кабину. — Говорят, если утром первым увидишь генерально-

го, то день пройдет замечательно!

Я фыркнула. Громче, чем собиралась. Вернее, я вообще не собиралась. Лев Александрович бросил на меня смеющийся взгляд и — уже спокойно — посмотрел на Регину.

— Здравствуйте, Регина, — прозвучал обыденно.

Она нажала кнопку своего этажа и повернулась к боссу всем своим роскошным бюро:

— Знаете, у нас освободилось место за столиком в буфете у окна. Присоединяйтесь к нам в обеде за кофе.

— Спасибо, Регина.

Он посмотрел на меня. Как будто сказал то, что не положено говорить при свидетелях. У меня внутри всё сжалось. Особенно те места, что отвечают за самообладание, но первые же его и теряют. Как будто *он* — не человек, а аллергия, обострение, проклятие и допинг в одном флаконе.

Лифт снова дернулся и распахнул двери. Лев Александрович вышел на втором этаже. А мы с Региной остались.

Створки закрылись. И Регина повернулась ко мне.

— Знаешь, мышка, сидела бы ты в своем пыльном подвале и не высывалась.

— Только если ты будешь приносить мне обед из буфета и после уносить грязную посуду.

Регина что-то прошипела — ее голос проглотил грохот открывшегося на первом этаже лифта. Регина окинула меня свирепым взглядом и вышла. А я нажала кнопку «-1» и привалилась к стенке кабины, запрокинув голову и зажмурившись

на полминуты.

Лифт, кажется, снова тронулся — в отличие от моих мыслей, которые застряли где-то между вторым этажом и *ego* взглядом, обещавшим пролонгацию моих сердечных сбоев.

[1] Импринтинг – эффект первого впечатления.

— Все в актовый зал! — кричала директор по маркетингу Марина, размахивая списками, как дирижёр на грани нервного срыва.

Сегодня сумасшедший день. Точнее — день рождения издательства. Последняя пятница мая.

Ксюша предупредила, что будет фотосессия, неформальная. Форма одежды — запоминающаяся. Но генеральный решил закатить вечеринку. Мне пришлось ехать домой переодеваться, и я попала под проливной дождь. Это губительно для моих волос. Поэтому я попыталась спрятаться за кулером.

Напрасно. Марина умела видеть людей даже сквозь стены и чувство их собственного ничтожества.

— Ева! Вы же наша архивная жемчужина. Без вас годовой отчёт — просто скучный PDF.

— Я под дождь попала. У меня волосы — как у пуделя после разряда электричества.

— Так и подпишем: «Ева, архивариус, пережила бурю, осталась на посту». Идите. Там фон красивый, как раз для вас.

В большом зале царил хаос.

Лев Александрович стоял у окна и выглядел так, будто родился для обложки журнала «Forbes». С видом человека, к

которому всё уже пришло: успех, влияние, понимание жизни и даже хорошее освещение.

На нём идеально сидел тёмно-синий пиджак, подчёркивая широкие плечи. Одна рука небрежно лежит в кармане, другой он держит чашку, из которой даже не пьёт — просто держит, будто уже насытился. На лице — никакой эмоции, кроме той, которую можно назвать «контролирую всё, даже погоду». Не просто мужчина, а образ — обложка, бренд, причина чужих амбиций.

Он отражался в стекле. И в нём же меня и увидел.

— Добрый вечер, Ева, — повернулся.

— Добрый, Лев Александрович.

— Вам идет это платье.

Он говорил спокойно, смотрел прямо, и в его голосе будто бы скользнуло что-то мягкое — как по лезвию ножа шёлковый платок. Попадая под эффект таких голосов, люди подписывают договоры, разводятся и начинают верить в инвестиции.

А я сглотнула.

— Лев Александрович! Ева! Идите в кадр! Делаем традиционное коллективное фото на память.

Меня поставили рядом с ним, чуть впереди. Лев Александрович стоял абсолютно расслабленно, будто фотографировался ежедневно, и при этом не делал ни одного лишнего движения. Только слегка повернулся ко мне.

— Улыбнитесь, — скомандовала фотограф.

Я попыталась. Вышло... как будто я увидела квитанцию за отопление.

— Мы сейчас архивируем свои эмоции, — прошептал, немного склонившись ко мне, Лев Александрович.

— Да, только вы на внешнем диске, а я на гибкой дискете, — тоже шепотом ответила ему, чуть отклонившись назад Щёлк.

Щёлк, щёлк.

— Отлично! — приговаривал довольный фотограф.

В этот момент ассистентка споткнулась о софтбокс, он опасно накренился, подумал... и повалился на меня. Лев Александрович дернул меня к себе. Я впечаталась в его грудь, подняла голову и уставилась в его глаза.

Он держал меня за локоть и талию, смотрел и улыбался. Настояще.

— У вас волосы пахнут липой.

— Это шампунь «Лесная печаль». Мне идёт?

Он кивнул, почти серьёзно.

— Очень. Прямо в сердечную мышцу.

Фотограф снова щёлкнула затвором.

Я буркнула:

— Ну что ж... Теперь меня уволят.

— Почему?

— Субординация. И конкуренция. По вам целый отдел сохнет, а вы смотрите на меня, как будто я конфиденциальный файл без пароля.

Александр рассмеялся. А я стояла — с электрической причёской и сбившимся пульсом.

После фотосессии большой свет погасили, препятствия убрали, музыку включили, закуски занесли вместе со столами. Народ расслабился. Атмосфера стала шумной, живой, с привкусом чужих духов и корпоративной истерии.

— Добрый вечер, коллеги, — вдруг зазвучал усиленный динамиком бархатный баритон. — Рад наконец увидеть вас не только в отчётах и списках рассылки, но и в живом, тёплом и шумном составе. Сегодня — мой первый корпоратив в роли генерального. А значит, по сути, мой первый день в новом доме. А в любом доме, чтобы понять, где ты оказался, нужно заглянуть в библиотеку. Вы знали, что по книгам можно узнать человека? Его жизненный путь? Вот он закончил школу, поступил в университет, — Лев Александрович будто вел рукой по корешкам книг, — влюбился, привел в дом жену, родил сына... Я начал знакомство с компанией моего отца с архива. Потому что именно в нём — не документы, но путь: рост, ошибки, победы, стиль и дух. Память. А у каждого дома должен быть хранитель памяти. У нашей компании хранитель с характером, чувством юмора и облепиховым морсом в винтажной кружке. Так вот... Ваш новый директор — вообще не танцор, но вечер обещал вам неформальный. Поэтому первым танцем я открою не раздел в юбилейном отчёте, а этот праздник. И приглашу на него храни-

теля памяти. А вы не теряйтесь — подключайтесь. Ева...

Он протянул мне руку и шагнул ко мне.

Я услышала за спиной знакомое шипение. И, выпрямив спину, вышла в круг.

Музыка была не быстрой, но и не медленной — как раз такая, под которую можно болтать, сбивать шаг и наступать на ботинки директору, не теряя лица.

Мы двигались медленно. Он шагал как будто без усилий, а я... как человек, который пытался не умереть на поворотах.

— А вы и правда не танцуете, — спустя два поворота заметила я. — У вас стиль, знаете, как у фехтовальщика: шаг, пауза, выпад...

— Это всё опыт в ведении переговоров. Но и вы тоже танцуете нечасто.

— Как вы это поняли?

— Мне об этом уже пару раз сказали ваши оранжевые лодочки.

Я покраснела:

— Простите. Это было мое стратегическое наступление.

— Понял, — улыбнулся босс широко. — Наступательная оборона архива. Буду осторожен.

— Но мне танцевать правда ещё учиться и учиться, — признала я.

— А вы уже умеете главное.

— Это что же?

Он снова улыбнулся:

— Не теряться, даже когда танцуете с генеральным директором.

— А кто сказал, что я не теряюсь? — хмыкнула я. — У меня только что в голове прокрутилась инструкция по пожарной безопасности и молитва.

— Работает. Вы не подожгли мне пиджак — уже успех. Мы оба рассмеялись.

— Ева... — сказал он, когда мелодия уже перешла в шорох. — Составьте мне завтра компанию за столиком у окна. Я возьму для нас облепиховый морс.

— Без поводов?

— Совсем без.

— А если я всё-таки принесу список?

Он кивнул:

— Приму. Но только если в нём будет пункт: «Соглашаться с боссом».

— Ладно, — улыбнулась я. — Один раз можно.

Он проводил меня до края зала и отпустил руку.

— До завтра, Ева.

— До завтра, Лев Александрович.

Он ушел. А меня с двух сторон зажали два тела. Ксюша и Регина.

— Ну вот теперь скажи, что он просто вежливый, — улыбалась во весь рот Ксюша. — Он тебя обнял так, что у меня позвоночник скрутило! А как он на тебя смотре-е-ел-л...

— Как на квартальный отчёт, — фыркнула Регина. Она

смерила меня взглядом с ног до головы. Взглядом эксперта по фасонам и фасадным утеплителям. — Не всем ведь быть блондинками с идеальной укладкой, верно?

— Конечно, — кивнула я. — Некоторые предпочитают быть архивными минами замедленного действия.

Ксюша прыснула смехом, а Регина цокнула языком, закатила глаза и захлопнулась, как глянцевый разворот, который никто не читает.

Я пришла на работу пораньше. То есть как обычно. Я люблю тишину офисного здания, когда серверы ещё шепчутся вполголоса, а кофемашина не шипит судорожно и не плюётся от усталости.

Папки на полках стояли ровно, как солдаты на смотре. Брифы, заявки, договоры... Бездна бумажного книгоиздательского мира.

Я потянулась к кружке, оставленной вечером на столе, и вдруг увидела мой блокнот со списком поводов.

И замерла.

Некоторые из них были подчёркнуты.

Свет, ирония, «Лесная печаль», искренность, взгляд. Ева, уют, отношения. Забрёл, признание, морс, взгляд, влюбляться. Покой, тишина, юмор, скучаю, сердце, повод...

Я буквально упала на стул и взяла список у руки. Только поначалу выбор слов казался бессмысленным. Но когда начала читать их с первого подчеркнутого, они сложились в записку. С неправильными окончаниями, с недостающими предлогами и знаками препинания, но слов складывались в понятный текст:

«Свет, ирония и «Лесная печаль» — странное сочетание, но оно почему-то работает. Иногда я захожу в архив не за тишиной, а за искренностью. За тем самым взглядом. Вы

— система, в которой не бывает гляцевых сбоев, но всегда есть место для мужчины с кофе и слезами после совещаний.

Ева, вы — архивариус с уютом, рядом с вами хочется улыбаться и пересматривать свои отношения с реальностью. Вы — покой, тишина и юмор. Архив — сердце. И иногда повод — важнее результата. Как вы это делаете — не знаю. Но спасибо, что делаете».

А между двух скучных листов разлинованной бумаги — гляцевая карточка формата А5. Фото. То самое. С фотосессии. Я и генеральный. Я — со взъерошенными волосами, он — во всём безупречен. Мы стоим вплотную, он смотрит на меня с каким-то совершенно нелепым... интересом? недоумением? лаской? Держит за талию и локоть.

На обратной стороне — аккуратным немного остроугольным почерком шариковой ручкой написано:

«Ваша причёска не подчиняется корпоративному регламенту. Но я бы хотел поговорить об этом за пределами офиса. Л.»

У меня вырвался звук: то ли хмык, то ли вдох, то ли что-то между. Я вскочила, как будто меня поймали на краже эмоций, быстро захлопнула блокнот.

Снова открыла.

Снова закрыла.

— Ну и что теперь? — прошептала вслух. — Отвечать в акте приёма-передачи? Или подложить записку в отдел безопасности?

Мне стало смешно. По-настоящему. Я закрыла рот рукой и рассмеялась.

А потом, конечно же, аккуратно спрятала и фото, и блокнот, и зашифрованное послание генерального. Потому что... Потому что *это же босс!*

И, конечно же, потому что хотелось ещё чуть-чуть побыть в этом странном приятном ощущении.

Офисное кафе было тихим, как утро понедельника, в которое никто не опоздал. Пахло тёплым молоком, корицей, легким сиропом и надеждой, что день пройдёт без форс-мажоров.

У окна на столике уже стояла пара кружек — одна с облепиховым морсом в знакомой оранжевой керамике с кошкой, вторая — строгая, чёрная, с паром и подозрением на имбирь.

— Доброе утро, — улыбнулся Лев, вставая, когда я подошла.

— Доброе, — ответила я и села напротив. Привычно вцепилась в свою кружку.

— Вы не вернулись в архив в пятницу, — заметил он.

Босс усмехнулся, открыл лежавший перед ним блокнот, достал аккуратно сложенный лист бумаги и передал мне.

На листе был заголовок: **«Поводы. Не все официальные. Некоторые — вполне личные»**. И дальше — список. Подчёркнутые строчки. Я сразу узнала знакомые обороты.

— Это...

— Да. Поводы. Мой список. Подчёркнутые — те, что у нас совпадают.

Я прочитала:

«Просто иду по маршруту: лифт — буфет — Ева — совещание».

«Потому что “случайно забрёл” — моя новая религия».

«Хотел доказать, что генеральные — тоже люди».

«Чтобы пригласить на настоящее свидание».

«И дожидаться “да”. За этим столиком. Прямо сейчас».

— Вот это, — показала я пальцем на последнее, — звучит как шантаж.

— Только если вы испугаетесь.

— Меня пугают только скомканные ведомости и кофточка из полиэстера.

Он коротко посмеялся. Бариста пронесла мимо поднос с круассанами. Я потянула их аромат носом и сделала глоток морса. Он был горячим, чуть терпким, с мёдом и чем-то ещё... вроде ожидания.

— Зачем вы это делаете? — спросила я. — Списки, поводы... Морс...

— Хочу, чтобы вы знали не только как архивировать отчёты, но и как влиять на босса без официальных записок.

— Инструкция к боссу прилагается? — лукаво улыбнулась я.

— Ваш метод и так очень надёжен. Но если хотите...

— Новый список?

Я уже откровенно улыбалась. Не как вежливый сотрудник, а как человек, которому разрешили быть собой — в 13:17, с облепихой и непричесанными мыслями.

— Лев Александрович...

— Просто Лев, — поправил он. — В пределах кофе и морса можно обойтись без должностей.

— Лев... — повторила я, пробуя это имя на вкус. — А если я вам отвечу новым списком?

— Я прочту. Подчеркну. И... вероятно, соглашусь. — Он помолчал. Сделал глоток. Улыбнулся мягко и накрыл ладонью мою: — Мне интересно быть рядом. Не только как босу. Я хочу вас узнавать. Спокойно. По чуть-чуть.

За окном промелькнула скорая, в буфете звенела посуда, у стойки кто-то тихо засмеялся. Всё текло, как надо. Без форс-мажоров.

— Знаете, — сказала я, пряча смущение в кружку, — может быть, вам стоит подать в архив заявку на обслуживание? С графиком. Раз в неделю.

— Уже оформил, — серьезно кивнул Лев. — Внутри себя. Дата следующего визита — завтра. Или сегодня. Если скажете «да».

— Но... я не выдаю документы по первому требованию.

— Это еще один общий пункт из наших списков, — улыбнулся Лев.

С той самой интонацией, с которой, как говорят, начинается дружба. Или что-то большее. Но не сразу.

Я подняла на *него* взгляд. *Он* встретил его серьезно.

Красивый. Сегодня — в светло-розовой рубашке и темно-сером костюме, без галстука и пафоса. Понимающий контекст без расшифровки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.